В ожидании переписчиков: о надеждах и отношении к переписи-2002 турок-месхетинцев и казаков Краснодарского края

*Лиза Корюшкина**

«Впиши свое имя в историю России… Тебе, твоим детям и внукам нужна перепись населения…» – такие заголовки в изобилии попадались на глаза в российских средствах массовой информации во вторую неделю октября 2002 г., когда проходила перепись населения. Хотя в научной литературе проводилась мысль о том, что перепись – возможность для государства распределить население по категориям и управлять им в рамках коллективной идентичности, в основе принятого государством способа пропаганды переписи 2002 г. лежало обращение к каждому индивиду в отдельности: «твое имя», «твои дети», «твое будущее». Так что участие в переписи преподносилось как личное дело каждого законопослушного гражданина. Перепись была представлена как вопрос, который должен был быть решен – без каких бы то ни было посредников – между государством и индивидом. Однако уровень участия в ней людей нельзя объяснить только поведением отдельных лиц. Встает вопрос, влияет ли на охват населения переписью позиция той или иной группы людей, определяемая этничностью, языком и/или законодательным статусом данной группы, характеризующим ее положение по отношению к другим группам? Ниже я попытаюсь объяснить, на основе наблюдений, сделанных во время пребывания в Краснодарском крае в период с 7 по 16 октября 2002 г., некоторые моменты, связанные с отношением к переписи членов двух этнических групп – месхетинских турок и казаков.

На первый взгляд, выбор именно этих двух групп может показаться странным. Трудно представить себе что-либо более непохожее, чем положение турок-месхетинцев и казаков в Краснодарском крае. Тур-

---

* Перевод с английского Н. Ракуца.

ки-месхетинцы прибыли сюда чуть более 10 лет назад, после этнического конфликта в Ферганской долине (Узбекистан) и часто воспринимаются местными средствами массовой информации как серьезная проблема. Криминальная активность и гражданское неповиновение преподносятся как наиболее серьезная угроза со стороны месхетинских турок для коренного населения края. Вследствие этого, а также на основе ряда статей местного законодательства, им было категорически отказано в российском гражданстве. Казаки же, напротив, представляют себя (и в таком же духе изображаются местными средствами массовой информации) защитниками края, хранителями морали и традиций. Однако сравнение установок членов обеих групп в отношении переписи – удобный отправной пункт, позволяющий лучше понять происходящие в обществе процессы и разобраться, чем та или иная позиция вызвана.

Беседы с турками-месхетинцами происходили в Варенниковке, деревне, расположенной в 140 км от краевого центра, г. Краснодара. В поездке меня сопровождали исследовательница из Канского [Caen] университета (Франция) Ф. Лонге-Маркс, а также Н. Шахназарян и А. Кочергин, представлявшие Центр Понтийских и Кавказских исследований. Таким образом, наша группа представляла собой международный коллектив. В беседе с атаманом Кубанского казачьего войска В. Громовым вместе со мной участвовала профессор С. Бакли из Техасского университета (г. Остин). Беседу же с атаманом Таманского района И. Безуглым я провела самостоятельно, предварительно установив контакт с ним, в чем мне также содействовала профессор С. Бакли.

«Все должно быть как в жизни…»

Найти дом Сарвара Тедорова, лидера месхетинских турок, в Варенниковке, находящейся в Крымском районе Краснодарского края, было нетрудно. Он предупредил нас, что к предстоящей свадьбе сына ремонтирует дом. Так что, когда мы увидели строительную площадку, мы сразу поняли, что это и есть тот дом, который мы ищем. Хотя он и был очень занят, Сарвар, казалось, был рад нас видеть: вдохновенный лидер, он использует любую возможность привлечь внимание к проблемам, с которыми сталкиваются его люди. Он провел нас в гостиную – единственную комнату, не затронутую переделками. Перед началом беседы Сарвар попросил меня оставаться верной духу нашей беседы и точно передавать его слова: «важно, чтобы мои слова были такими, как есть» – подчеркнул он.

Я спросила Сарвара, посещали ли уже его дом переписчики. Он подтвердил, что они были вчера. Даже столь простой вопрос дал повод для печальных рассуждений о современном положении месхетинских турок в крае: «Я боялся, что нас опять станут в чем-то обвинять. Они могли бы сказать: "хотя вы и не граждане, вы сказали переписчикам, что являетесь таковыми". Но мы действительно решили записать себя российскими гражданами. Как вы знаете, в течение последних 13 лет все российские и международные законы нарушались. Именно на их основании (исходя из конституции РФ), мы полагали, что нам предоставят российское гражданство. Но все эти законы игнорировались – тайно или явно». С первых слов его было очевидно, что он воспринимал перепись как возможность для его людей бороться с несправедливостью – получить статус российских граждан хотя бы на основании данных переписи. Неопределенное с юридической точки зрения положение турок-месхетинцев в Краснодарском крае привело к тому, что у них вызывали страх многие вопросы переписчиков. Сарвар далее объяснил это: «Вы знаете, под предлогом изучения общественного мнения было много попыток – со стороны местных парламентариев – провести различные исследования. Они хотели понять, чего же мы хотим. Хотя мы открыто говорим о том, чего хотим. Они хотели также провести референдум: решить, можем ли мы существовать как народ или нет. Но это же глупость: должен или нет существовать такой-то народ! Поэтому людям нелегко было отвечать на вопросы – они боялись, что всё, что они скажут, будет неправильно истолковано». Растущий интерес со стороны различных организаций – местной администрации, краевых борцов за права человека, американских ученых, а также местной печати – все это часто усиливало убежденность людей в важности их ответов. К тому же обстановка переписи и мои вопросы о ней затронули тему прежних исследований, проведенных среди турок-месхетинцев. Было очевидно, что предшествовавшие исследования повлияли на их ожидания и надежды, связанные с переписью.

Когда я прямо спросила Сарвара, проводил ли он какую-либо работу среди своих, чтобы умерить их беспокойство и обеспечить высокий уровень участия турок в переписи, он ответил: «Когда здесь был представитель президента, Сурков, мы попросили его: "Пожалуйста, разрешите включить нас в перепись, так Вы сами будете знать, сколько нас здесь. Тогда Вы не станете говорить: вас здесь 50 тысяч. Тогда Вы не будете видеть в нас врагов". Кроме того, они (администрация) говорят: "здесь прежде было 10 тысяч (турок-месхетинцев), а сейчас их уже 50 тысяч. Тогда через 5 лет их будет в крае 5 миллионов". Откуда они взя-

ли эти цифры? 50, 40, 30 тысяч… – только дураки придумывают такое!». Беспокойство по поводу своего нынешнего положения и неопределенность юридического статуса заставили турок-месхетинцев обратиться к политикам с просьбой включить их в перепись населения. Лишенные права голосовать, пользоваться элементарными правами человека на медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение в старости, владение имуществом, и т. д. и т. п., турки ожидали, что и в переписи участвовать им будет запрещено как в проекте, нацеленном на то, чтобы «вписать чье-то имя в историю». Принимая во внимание специфику их социального положения, самое удивительное заключалось в том, что они сделали конкретные шаги для получения уверенности в том, что пройдут перепись вместе со всей страной.

Я продолжала беседу, спросив относительно всеобщности участия членов общины в переписи. «Да, важно, чтобы в ней все приняли участие», – сказал Тедоров. – «Летом, когда Сурков согласился и сказал, что переписчики будут знать, что нас тоже следует включить в перепись, мы сказали людям, что они должны принять в этом участие. Что они должны отвечать на вопросы так, как они думают. Мы убеждали их говорить все как есть». Настойчивость относительно того, что важно говорить правду, была даже еще яснее выражена в интервью, которые я взяла позднее на маленьком базаре в Варенниковке (об этом позже). Сарвар далее объяснил, что он подразумевал под «правдой», приведя такой пример: «Например, моя дочь вышла замуж. Хотя ее замужество не было зарегистрировано, живут они вместе в двух кварталах отсюда. И она была причислена к той семье. Она сказала, что она живет там, в квартире, что у нее двое детей и что она гражданка России. Я не вписывал ее в число живущих в моем хозяйстве. Когда пришли переписчики, я сказал, что у меня в доме живут пять человек: две мои дочери, сын, жена и я. Все должно было быть, как в жизни. Именно это мы и сказали нашим людям». Эта дискуссия относительно смысла слов «правдивый ответ» обнаруживает, что перепись понималась лидером турок-месхетинцев как способ исправить несправедливости местных властей. «Настоящая жизнь» в данном контексте контрастировала с юридической реальностью, в которой браки среди турок-месхетинцев не регистрировались, семейные пары рассматривались как сожители, а их дети – как незаконнорожденные.

Потом Сарвар вернулся к теме о всеобщем участии населения в переписи: «У нас нет права напоминать людям (о переписи) слишком часто или настаивать на чем-либо. И к тому же нет ни времени, ни возможности сделать это – люди сейчас разобщены, община рассеивается. Но мы сказали о том, что нам нужно участвовать в общественной

жизни». Этнографические исследования в других районах подтверждают наблюдение, что люди часто понимают перепись как явление сродни избирательному процессу. Во многих регионах России местные выборы проводились или до, или сразу после переписи. В Краснодаре плакаты на тему переписи соседствовали с плакатами о предстоящих выборах. Это наблюдение может позволить понять, почему турки-месхетинцы полагали незаконным использование пропаганды для обеспечения большего участия в переписи. Но, разумеется, их юридический статус, равно как и многочисленные препятствия в отношении деятельности их общественной организации «Ватан» объясняют их всеобщее мнение, что туркам не дозволено как-либо воздействовать на происходящее. Однако интересно, что «Ватан» нашел обходные пути для распространения информации о переписи и о важности массового участия членов общины турок-месхетинцев в ней: «Как только Сурков дал нам разрешение быть включенными в перепись, мы сказали своим людям, что они должны в ней участвовать. Я сам говорил с людьми и сказал им, что надо поднять вопрос о браках и прочих общественных делах, а для этого важно участвовать в переписи».

«Мы – граждане России…»

В конце беседы я попросила Сарвара отвести меня туда, где люди обычно собираются и где я могла бы спросить их об отношении и ожиданиях в связи с переписью. Он привел меня на крошечный придорожный базар. Несмотря на пронизывающий до костей ветер и моросящий дождь, несколько мужчин и женщин продавали овощи и орехи. Как только Сарвар представил им нашу исследовательскую группу и объяснил, зачем мы пришли, началась дискуссия. По большей части отвечали те, к кому я обращалась с вопросами, остальные спокойно слушали. Однако временами, когда вопросы казались слишком важными, люди вмешивались, разъясняя свое понимание проблемы.

Я обратилась к Фатиме, женщине лет 45, продающей грецкие орехи: «К Вам в дом приходил переписчик?» – спросила я. Фатима быстро ответила: «Да. Она спросила меня: "Где Вы работаете?" И я ответила: "Я ищу работу". Я сказала правду – я очень хочу найти работу, но где можно это сделать? Если работы нет – где ее найти?». Было очевидно, что вопрос занятости для нее очень важен. Она продолжала разговор, рассказав мне свою историю. В Узбекистане работала швеей, а после переезда в Краснодар ей пришлось работать дояркой. Фатима не проявляет недовольства в связи со сменой работы. Однако она очень огор-

чена тем, что после 9 лет работы в колхозе она была уволена и должна содержать теперь себя и своего мужа-пенсионера, продавая овощи на рынке. Проблемы с регистрацией и отсутствие гражданства затрагивают и проблему занятости турок-месхетинцев. В ряде других интервью, стоило только заговорить о переписи, люди быстро использовали возможность поговорить о том, что им не дают работы, часто увольняют по национальному признаку или из-за юридического статуса, не дают получить даже работу, требующую низкой квалификации.

Далее я спросила Фатиму, задавала ли ей переписчица вопрос о гражданстве. Она тут же ответила: «Я сказала, что я гражданка России. Я прожила здесь 13 лет». Мужчина, стоявший рядом и слушавший нашу беседу, добавил: «Конечно, мы жили в СССР, а теперь уже 13 лет здесь. Мы – граждане России». Фатима продолжала: «Когда нам дадут куда уехать, мы уедем. Но пока – мы граждане России. Хотя у нас и нет постоянной регистрации, мы живем здесь. Нам некуда уехать». Еще несколько человек, слышавших разговор, кивнули в знак согласия. Чтобы вовлечь их в дискуссию, я прямо обратилась к одному из них: «Что Вы сказали о своем гражданстве?». Ответ мужчины отличался от всех тех, что я слышала раньше от других: «Я сказал, что у меня нет гражданства», – просто ответил он. В этот момент Сарвар Тедоров, все время присутствовавший на беседе, вмешался: «Он сказал правду – у нас нет гражданства. Хотя мы и граждане. Но он сказал правду. Другой вопрос: кто виноват в том, что у нас его нет? В этом смысле, хотя он и сказал правду, в действительности он был не прав». Еще двое мужчин согласились с Сарваром и подтвердили, что на вопрос о гражданстве они ответили, что являются гражданами России. Чтобы подтвердить свое мнение, Сарвар обратился еще к одному из присутствующих: «Ахмед, что ты ответил переписчикам?». Ахмед, казалось, чувствовал себя неуверенно: «Я не знаю, тогда дома была моя жена. Она и отвечала на все вопросы». Чтобы снять впечатление от неуверенности Ахмеда, еще один мужчина вмешался в разговор: «Мы сказали, что нас здесь живет четверо. На вопрос о языке я ответил: "турецкий". Я также сказал, что гражданства у меня нет». Сарвар использовал этот ответ, чтобы еще раз объяснить свою позицию: «Это большая разница – между тем, что у вас нет гражданства и тем, что вы не получили его. Очень большая разница». Соглашаясь с Сарваром, один из мужчин поправил его: «Да, они нам его не дали. Но она (переписчица. – *Л. К.*) спросила: "У вас нет гражданства?". И я ответил, что нет». Женщина, стоявшая за Фатимой, продолжила начатую Сарваром тему о гражданстве: «Что еще могла я ответить о гражданстве? Мы жили, живем, и будем жить здесь – куда мы можем уехать? Мы такие же законопос-

лушные граждане, как и все прочие. Мы платим все налоги. Мы делаем все, что полагается. Куда же еще мы должны ехать?».

Вопрос о гражданстве, поскольку он напрямую связан с другими – о юридическом статусе, возможности найти работу, медицинском обслуживании, образовании и даже о пенсионном обеспечении, – был одним из наиболее важных для этих людей. Они также показали мне свои красные советские паспорта старого образца с многочисленными штампами временной регистрации, которую нужно было обновлять каждые три месяца. Как граждане страны, исчезнувшей около десятилетия назад, они старались сделать так, чтобы государство признало их. Однако, несмотря на усилия их лидеров, направленные на то, чтобы определить их положение в данном качестве, люди часто казались неуверенными в том, какой ответ был правильным на вопрос о гражданстве. Как показывает приведенный выше пример, некоторые из них отвечали, что гражданства не имеют. В ряде других случаев люди отвечали, что они граждане Узбекской республики (т. е. УзССР). Неясно, как в этом случае переписчики фиксировали их гражданство (вероятнее всего, их записывали гражданами Узбекистана). Отсюда можно заключить, что неопределенность юридического статуса породила различия в ответах, даваемых турками-месхетинцами переписчикам.

Другой вопрос, который я задавала во время интервью в Варенниковке, был о том, почему люди решили участвовать в переписи. Хотя ответ на этот вопрос не столь очевиден, как может показаться, некоторые из интервьюируемых даже обиделись, услышав его. «Мы прожили здесь почти 14 лет. Что, мы не люди, что ли?» – женщина, которой я задала этот вопрос, даже отвернулась, чтобы скрыть свои чувства. Другая вмешалась, стараясь, чтобы я не поняла неправильно? «Почему Вы говорите, что мы не хотим участвовать в переписи? – Нет, мы хотим. Это важно для России, сосчитать и нас тоже. Мы хотим участвовать в переписи». Что-то вроде стремления оправдаться было в обоих ответах, как отражение ненадежности отношений этих людей с постоянным населением района. Даже малейшее подозрение, что их поведение – в данном случае это участие в переписи – может отличаться от того, какое присуще большинству людей, вызывало сильнейший эмоциональный протест. В этом отношении можно было заключить, что турки-месхетинцы понимали перепись как один из способов подтвердить их похожесть на других жителей страны, на других «людей».

Продолжая расспросы о причинах участия в переписи, я спросила, обеспокоены ли люди тем, как результаты переписи будут использованы в дальнейшем. Многие из моих собеседников не разделяли опасений их лидера Сарвара Тедорова. Более того, большинство из них

возлагали надежды на то, что перепись принесет изменения к лучшему: «Нет, мы не боимся. Почему мы должны бояться? Я не беспокоюсь об этом», – сказала мне Фатима. Несколько женщин присоединились к нашему разговору: «Я знаю, что некоторые даже специально оставались дома ждать переписчиков, Они хотели быть уверены, что их включат в перепись». – «Все должны участвовать, и все будет хорошо». – «Должно быть хорошо. Мы впишем свои имена в историю России. Ничего плохого от этого быть не может». – «Нас признают местными после этого, а это хорошо. Нам больше деваться некуда». Риторика относительно государственной важности переписи отчетливо видна в этих ответах. Однако интересно, что эти рассуждения сочетались с ожиданиями, что столь важное событие в жизни государства будет иметь прямые положительные последствия для людей – будь то просто признание их местным населением («нас признают местными») или официальное закрепление их статуса.

Осознание себя группой – у казаков оно есть!

Штаб-квартиру Краснодарского казачьего войска мы нашли без труда. Помпезное здание с металлической табличкой, где указано название организации, было трудно не заметить. Однако не столь просто оказалось получить интервью у Владимира Прокофьевича Громова, атамана Краснодарского казачьего войска. После короткой встречи с его ассистентом профессор Бакли и я получили некоторую надежду – но не твердое обещание – что, вероятно, мы сможем встретиться с Громовым на следующий день. Чтобы встреча прошла должным образом, нас попросили представить список из пяти вопросов, которые мы хотели бы задать. На следующий день, после часового ожидания в закрытом дворе здания, мы были впущены внутрь для беседы. Громов, человек с командирской внешностью, сидел за рабочим столом. Нам указали места в нескольких метрах от него, и формальное интервью началось.

Первый вопрос, согласно предварительному списку, касался отношения казаков к признанию их этнической группой. Владимир Прокофьевич сразу и перешел к нему: «Решение было принято на военной Раде: казакам нужно объявить себя этнической группой». В поддержание этого тезиса Громов указал на закон 1991 г. относительно репрессированных, который, хотя и не прямо, признавал статус казаков как народа. Чтобы еще усилить свои аргументы, Громов воскликнул: «Что еще важнее – осознание людьми себя в качестве группы определяет их статус. У казаков такое сознание есть!» Следующий вопрос был

задан в развитие данной темы. За несколько месяцев до переписи в интервью одной из газет Громов утверждал, что казакам еще слишком рано объявлять себя особой этнической группой. Однако когда перепись началась, казачья рада, казалось, провозгласила прямо противоположное. Владимир Прокофьевич, похоже, не был сбит с толку этим очевидным противоречием в своих утверждениях. Он просто сказал: «Ну, когда должна была начаться перепись, мы решили разрешить им (людям) записывать себя казаками». Несмотря на мои попытки получить более подробные разъяснения, Громов предпочел перейти следующему вопросу. Он касался всеобщих ожиданий, связанных с переписью, и примерных оценок правильности данных, полученных путем переписи. На этот вопрос Громов ответил так: «Нет, я уверен, что результаты будут неверными. Они не покажут истинной численности казаков. Они также покажут меньшее количество русских (по сравнению с 1989 г.). Почему? Из-за мигрантов. В течение 20 лет русские превратятся здесь в меньшинство. Кубань постепенно "чернеет" в связи с переселением сюда тех же армян, турок-месхетинцев и т. д. и занятием ими земель». Здесь интересно отметить, что в этом ответе Громов соотносил правдивость результатов переписи с ожиданием, что число казаков будет меньшим, чем численность других этнических групп, часть из которых составляли недавние иммигранты на территории края. Некоторая двусмысленность противопоставления казаков русским по этнической идентификации может быть отмечена в связи с предсказанием самого же Громова о значительном сокращении численности русского населения в ближайшие 20 лет. Чтобы прояснить это положение, я спросила его, считает ли он, что участие одних групп в переписи будет большим, чем других. Громов, не колеблясь, ответил: «Уверен в этом. Логика вещей подсказывает, что турки-месхетинцы будут наиболее активны. Они постараются узаконить свое пребывание в крае. Они хотят показать, что их здесь много». Чтобы я лучше уяснила сложность этнической ситуации в Краснодарском крае, Громов провел параллель с Германией и Великобританией: «Посмотрите, что творится в Германии – они не знают, что им делать с турками – османскими турками. А в запаршивевшей империалистической Англии – страдают от арабов!». Он охарактеризовал ситуацию в Западной Европе и в Краснодарском крае одним словом – «довели» и добавил: «Они, т. е. мигранты, явились в чужой дом и "довели"… Мы (казаки) не из бункера выскочили. Мы – коренное население края. Эти земли – наши». Негативное отношение к мигрантам в речи Громова было тесно связано с вопросом о власти. Для него участие в переписи было одним из путей, которым этнические группы могли обрести большую

власть в крае. Однако когда его спросили, проводили ли казаки какую-либо рекламную компанию в связи с переписью, чтобы убедить людей участвовать в ней, он ответил: «Мы созвали два собрания войскового совета и говорили об этом. Но компания началась слишком поздно». Несмотря на то, что Громов понимал участие в переписи как один из путей, каким другие этнические группы могут добиться власти в крае и как возможность для казаков объявить себя этнической группой, казалось, мало было сделано для обеспечения всеобщего участия казаков в переписи. Из-за краткости времени, которое Громов мог уделить нашей беседе, у меня не было возможности расспросить его об этом подробнее. Однако некоторые вопросы, связанные с участием казаков в переписи и с надеждами, возлагаемыми на ее результаты, я смогла прояснить позднее, в беседе с Иваном Васильевичем Безуглым, атаманом Таманского округа.

«Эти земли – казачьи!»

Чтобы лучше выяснить настроения казаков относительно их самоидентификации и присутствия других этнических групп в районе, я взяла интервью у атамана Таманского округа, где расположены наиболее компактные поселения турок-месхетинцев. К счастью, Иван Васильевич Безуглый был в Краснодаре на собрании казачьей рады. Хотя он и был занят, но выделил время для нашей беседы. В перерыве между собраниями рады мы сели во дворе и заговорили о переписи. «Как Вы думаете, насколько перепись изменит ситуацию?» – спросила я его. «Я разыскал документы моего деда. В них не было написано, что он русский. Документы определяют его сословную принадлежность словом "казак"», – сказал Безуглый. – «Что может изменить перепись и насколько это важно? Мы всегда говорим о казаках как о группе населения России или Краснодарского края. Но мы не знаем их истинной численности, мы не самоопределились. Раньше (в советское время) люди боялись этого, потому что думали, что обнаружится, что их численность незначительна. Возможно, что и так, и что мы только щеки надуваем, а на самом деле нас мало. Но я думаю, не важно, сколько нас – для нас важно записать себя таковыми. Мы должны провозгласить, что казаки на Кубани есть». Для Безуглого, как и для Громова, перепись – важное дело для объявления о том, что казаки, как этническая и социальная группа, существуют. Это также и способ подтвердить свою культурную преемственность по отношению к предкам. Вопрос о былой казацкой славе и о самоидентификации их родителей часто возникал как важная тема в моих разговорах с казаками. Здесь интересно

отметить явное противоречие в вопросе об общей численности казаков в крае. С одной стороны, в ходе нашей беседы Безуглый упомянул, что, по его мнению, перепись покажет, что казаков в крае по меньшей мере 1 млн. человек. С другой, он выражал некоторое сомнение в том, что цифра окажется столь значительной. Даже подчеркнул, что важна не численность, а то, что казаки могут быть признаны этнической группой.

Безуглый продолжал далее: «Позвольте сказать Вам вот что. 10 лет назад, когда мы только организовали казачье сообщество, многие люди часто говорили нам, что родители пытались воспрепятствовать им вступать в него. Чуть ли не со слезами провожали их. Они могли бы сказать: "Мы уже прошли через это. Мы уже однажды сказали, что мы казаки и нам пришлось заплатить за это". Даже сейчас в разговорах с людьми я слышу такие вопросы: "Что если я скажу, что я казак, а потом в деревню придут люди с ружьями?". Я думаю, что это – отрицательный фактор, который может повлиять на результаты переписи. Хотя на молодых людей он воздействует, вероятно, меньше. Но он очень важен для старшего поколения, которое помнит 30-е годы». Здесь Безуглый вспомнил имевший место геноцид в отношении казацкого населения в прошлом, когда многие люди были расстреляны из-за принадлежности к казачеству. История репрессий продолжает воздействовать на самоидентификацию людей. В случае с казаками этот факт четко прослеживается.

Я спросила его, проводил ли казачий совет какую-либо предварительную работу с целью противодействовать таким настроениям и увеличить степень участия казаков в переписи. «Да, кое-что мы сделали. Мы получили указания от атамана на этот счет», – сказал Безуглый. – «Хотя думаю, что работа в этом направлении была незначительной. Я говорил об этом сегодня на собрании таманского казачьего совета. Говорил, как был разочарован тем, что видел во многих районах. Я считаю, что мы должны много лучше рассказывать людям о том, как для нас важно участвовать в переписи. И конечно, о том, как важно, чтобы они указывали в качестве своей национальности "казак"». Позднее Безуглый упомянул, что он посетил много деревень, где говорил с людьми о переписи. Однако складывалось впечатление, что главным в его поездках был вопрос о предстоящих выборах. Он рассказал далее, что было несколько случаев, когда переписчики отказывались записывать национальность своих респондентов как казаков. Вместо этого они настаивали, чтобы в этой графе было записано «русский». Хотя таких случаев было всего несколько, сама возможность того, что переписчики могут сами решать, какая национальность «пра-

вильная», обсуждалась еще до начала переписи. Тогда я спросила Безуглого, не предлагал ли казачий совет кому-либо из своих людей участвовать в переписи в качестве переписчиков, позаботившись, таким образом, об учете посредством собственной переписи. Он ответил: «Нет, этот вопрос не поднимался. Такого ведь у нас никогда не было…» Словом, несмотря на всеобщее понимание важности переписи, сами казаки сделали очень мало, чтобы обеспечить охват своих людей переписью. В литературе перепись часто сравнивалась с плебисцитом, средства массовой информации преподносили ее как акт гражданского долга, показывающего единение государства и его граждан. Но говоря о Краснодарском крае, следует признать, что население приложило минимум усилий для обеспечения своего участия. Надо полагать, что, несмотря на политическую агитацию вокруг вопроса об этничности, языке и гражданстве, которая характеризовала кампанию во многих районах, люди больше полагались на то, что государство обеспечит учет каждого.

Иван Васильевич далее развил тему важности переписи: «Вы раньше спрашивали, почему я думаю, что перепись важна. Давайте рассмотрим земельный вопрос. Я против идеи продажи земли, и думаю, что многие русские патриоты меня в этом поддержат. Хотя теперь некоторые начинают рассуждать о том, что землю продавать нужно. Но если бы сейчас выяснилось, что казаков на Кубани много, мы смогли бы заявить о своей позиции в земельном вопросе. Земля эта была нам пожалована Екатериной Великой. Это – казацкая земля. Если они хотят – пусть продают земли своих предков, но мы не хотим проматывать наше наследие. Не хотим и, я думаю, что и не захотим. Мы будем работать над этим вопросом с местными властями, с губернатором края – его позиция в этом деле правильная. И есть еще много вопросов, ожидающих решения». Эта вдохновенная риторика о контроле над землей обнаруживает действительную важность переписи, по крайней мере – для некоторых казаков. Так, это не только их признание в качестве этнической группы, но и подтверждение их длительного политического влияния в крае, что понимается как важный результат переписи. В этом смысле слова Безуглого поясняют приведенное выше высказывание Громова: «Мы – коренное население края». Но в таком контексте статус коренных соотносится с вопросом о власти.

Тема доступа к власти различных этнических групп выявилась, когда я спросила Безуглого, считает ли он, что перепись сможет отразить изменения, происшедшие за последние 10 лет в этническом составе населения края. Безуглый ответил: «Да, я полагаю, что так и будет. И, конечно, степень участия одних этнических групп будет выше,

других – ниже». – «Какие группы, по Вашему мнению, будут наиболее активными?». – «Думаю, армяне. Они будут стараться показать, что их здесь очень много. Зачем? Сегодня, при всех этих демографических изменениях, каждый старается урвать побольше власти. Турки-месхетинцы – вы знаете, к какой национальности они относятся, верно?.. И если 10 лет назад они просили нас только о месте, где бы отсидеться, получить передышку после событий в Ферганской долине, то теперь они нам открыто говорят: "Это наша земля. Кубань – наша земля. Эта земля – мусульманская и вы должны покинуть ее". Сегодня у них хватает наглости говорить нам такое в открытую. На побережье власть главным образом в руках армянских клик. Так что они будут заинтересованы в том, чтобы показать наибольшее количество армян, какое только смогут. И – кто знает – могут начать и разговоры о выделении им в крае автономного района! Я полагаю, что для нас это очень опасно». Рассуждения Безуглого о степени участия различных этнических групп ясно свидетельствуют о существовании зависимости между численностью той или иной группы и объемом власти, какого она добивается. Они также подразумевают наличие связи между этничностью, численностью этнической группы и предъявляемыми ею претензиями на право на землю и политические права. Опасения, связанные с наличием в крае групп мигрантов, описаны как вызов русскому (подразумевается – казацкому) – большинству населения края, и, соответственно, его контролю над регионом. Однако важно отметить еще раз, что хотя Безуглый и подчеркивает связь между политическими правами недавних мигрантов и высокой степенью их участия в переписи, он не делает сходных заключений в отношении казаков. Казаки, которые могли бы достичь аналогичных результатов, в этом случае представляются как жертвы, которые не принимают во всем этом участия.

Заключение

1. Результаты, полученные при изучении обеих групп, опровергают представления, которые определяют специфику их участия в переписи. Для обеих групп это участие имеет политические последствия, которые определяют их общее отношение к тому, чего они ожидают от переписи.

А. Обе группы хотят узаконить свой статус посредством участия в переписи. Так, казаки хотели бы, чтобы их признали этнической группой; турки-месхетинцы – чтобы их признали гражданами России.

Для обеих групп это вопрос их сохранения их культуры, а для турок – еще и вопрос сохранения в крае их группы как таковой.

Б. Спорные моменты истории обеих групп могут породить весьма различные ответы, даваемые их представителями. Так, часть турок-месхетинцев могла говорить, что они – граждане России, тогда как другие указывали, что гражданства не имеют или имеют советское гражданство. Некоторые казаки – независимо от самоидентификации – вероятно, предпочтут записаться русскими. Среди лиц старшего поколения это может объясняться страхом перед прошлым. Более молодые люди могут предпочесть записаться русскими потому, что их казацкая самоидентификация еще не столь сильна. Для турок-месхетинцев ответы на вопрос о гражданстве могут отражать двусмысленность их нынешнего положения, что влияет на вопрос их сохранения как группы. Для казаков же это, скорее, отражает двойственность их самоидентификации.

В. Казаки хотят доказать, что их численность в крае значительна. Турки-месхетинцы, похоже, стараются убедить других, что их численность относительно невелика. И в том, и в другом случае цель одна: утвердить свое современное положение как социальной группы.

Г. Казаки никогда не поднимают вопроса о том, чтобы «говорить только правду и ничего, кроме правды», что очень характерно для турок и показывает, что их позиция скорее оборонительная, чем наступательная.

2. Нынешнее положение каждой из групп определяет меры, принимаемые ею для обеспечения своего участия в переписи.

А. Турки-месхетинцы используют по преимуществу скрытые способы, тогда как казаки – открытые. Выбор методов определяется спецификой современной социальной ситуации, в которой находится каждая из групп. Турки-месхетинцы верят, что они не имеют права воздействовать на перепись. (Может быть, здесь есть известная параллель с избирательным процессом?) Они, напротив, выбирают непрямое воздействие, чтобы обеспечить участие членов своей группы в переписи – путем распространения информации о ней в обществе. Казаки предоставляют заниматься переписью государству, поскольку их участие в ней менее связано с вопросом выживания, чем для турок-месхетинцев, но тесно соотносится с вопросом о власти и контроле над землей; это событие для них не столь жизненно важно (хотя и остается очень значительным). Это может быть объяснено также посредством отсылки к советской ментальности, которая подразумевает, что государство должно заботиться обо всем – даже о подсчете своих граждан. Это представление кажется весьма сильно распространенным среди

казаков. Оно может быть достаточно сильным и среди турок, но необходимость выжить в нынешней ситуации заставляет их действовать более активно.

Б. Можно также сделать вывод, что рассуждения на тему переписи выявляют воздействие миграционных процессов на участие людей в переписи. Однако при этом миграция выступает не как единичный акт, а как история сложных социальных отношений.